

Journal
of Danubian
Studies
and Research

Moldavan Ethno-Linguistic Identification — The Consequence of the Previous Language Policy

Polina Kiseolar¹

Abstract: Ethno-linguistic identification of Romanian speakers in the south of Odessa region is an essential issue. Their ethno-linguistic self-identification is characterized in that most Romanian speakers who lived this area has accepted the ethnonym “Moldovan”. The researching tasks of our study, which is based on the discussions with the interviewed romanophones who live in the south of Bessarabia:

- the criteria of Moldovan self-identification compared with Romanian one and vice versa;
- what the national language means to Romanians (Moldovans) under independent Ukraine in terms of (a) ethnicity, (b) language function;
- how Romanians (Moldovans) from the south of Odessa region understand such terms as “ethnic identity” and “citizenship”; how they identify themselves and how it affects on their linguistic identification;
- functional distribution of the languages of romanophones, who speak two or more languages, according to the areas of life or specific situations; the factors which make speaker to switch between languages or use them in alternative ways.

The main components of individuation during the process of self-determination of ethnic and language identity are ignorance of historical truth and manipulating ethnic and language awareness of romanophones.

Keywords: linguistic identification; ethno-linguistic self-identification; ethnonym; ethnicity

Introduction

Этно-лингвистическая идентификация румыноязычных носителей на юге Одесской области является важным вопросом; их этно-лингвистическая

¹ PhD, Izmil State University of Humanities, Ukraine, Address: Izmil, Repina str, 12, Ukraine, Corresponding author: kiseolarpolina@gmail.com.

самоидентификация отличается тем, что большинство носителей румынского языка проживающих на этих территориях приняли и усвоили этноним «молдаван» и «молдавский» соответственно.

Исследовательские задачи нашей работы, основанной на обсуждениях с интервьюированными румынофонами, проживающими на юге Вессарабии, следующие:

- критерий «молдавской» самоидентификации в сравнении с «румынским» самоопределением и наоборот;
- что означает для румын (молдаван) язык их национальности в регионе в условиях независимой Украины (а) в этническом плане, (б) в функциональном плане;
- как румыны (молдаване) на юго-западе Одесской области понимают понятия «этническая принадлежность» и «гражданство»; с кем из них они себя идентифицируют и какое влияние этот показатель оказывает на их языковую самоидентификацию;
- каково функциональное распределение языков румынофонов, говорящих на двух или нескольких языках, в зависимости от сферы жизни или конкретных ситуаций общения; какие факторы определяют переход говорящего от одного языка к другому или альтернативное использование этих языков.

Решающими компонентами индивидуации в процессе самоопределения этнической и языковой идентичности являются незнание исторической правды и манипуляции, осуществляемые над этническим и языковым сознанием румынофонов.

Ключевые слова: лингвистическая идентификация, этнолингвистическая самоидентификация, этноним, этничность,

По национальному составу население Одесской области сильно отличается от других регионов Украины. Здесь проживают представители более 100 национальностей. Помимо украинского населения, которое составляет здесь большинство (54,6%), в регионе проживают русские (27,4%), болгары (6,3%), молдаване (румыны) (5,5%), евреи (2,6%), гагаузы (1,0%).), белорусы (0,8%), поляки (0,2%), армяне (0,2%), цыгане (0,15%), татары (0,14%), немцы (0,13%), албанцы (0,07%), чехи, греки и др., таким образом, представители национальных меньшинств составляют 45% от общего числа жителей области.

Наибольшее разнообразие национального состава наблюдается на юго-западе региона, между Днестром и Дунаем. Здесь наряду с большинством украинского населения (35,8%) проживают представители болгарского этноса - 24,8%, русские - 17,7%, молдаване (румыны) - 15,2%, гагаузы - 4,6% и другие. В силу некоторых историко-географических особенностей населения территории региона, компактно или полукompактно проживают некоторые этнические меньшинства - болгары, гагаузы, албанцы, молдаване (румыны).

Если обратиться к демографии румыноязычного населения (румыны и молдаване), то источники показывают, что румыноязычное население в нынешней Одесской области, которая является объектом нашего научного внимания, проживает компактно: 1) в районных центрах юго-западной территории, 2) в 22 селах этих районов, при этом по данным последней переписи населения от декабря 2001 г. их распределение по площади следующее: Ренинский район - 19,9 тыс. (49,9% от общей численности населения г. района) соответственно, Измаил - 5,1 тыс. (27,6%), Сарата - 9,4 тыс. (19,0%), Килия - 9,4 тыс. (15,8%), Тарутино - 7,5 тыс. (16,5%), Татарбунары - 3,9 тыс. (9,4%). %, Белгород-Днестровск - 3,9 тыс. (6,2%) [«Конкордия» 2003, 3].

Наше исследование проводилось в 7 населенных пунктах с компактным румынским (молдавским) населением юго-запада Одесской области), а именно: Новоселовка Саратовского района, Борисовка Татарбунарского района, г. Рени, Новосельское., Плавни Ренийского р-на, Червоный Яр Килийского р-на, Утконосовка Измаильского р-на.

Нашей целью было исследовать и описать отношения, приоритеты, лингвистические ориентации румыноязычных в условиях меняющейся социолингвистической ситуации. Другой целью наших исследований было выявить, как особенности языковой идентификации представителей румынской (молдавской) этнической группы с юга Одесской области, так и причины такой идентификации. Попутно были исследованы некоторые трудности межнационального общения в регионе в течение первого десятилетия XXI века и предпринята попытка их объяснения. В этом контексте мы искали ответы на ряд вопросов, основанных на обсуждениях с нашими респондентами:

- 1) каково отношение носителей румынского / «молдавского» языка к «новому» украинскому государственному языку в сравнении с прежним официальным языком – русским;
- 2) каковы «молдавские» критерии самоидентификации по сравнению с «румынским» и наоборот;
- 3) что означает язык их национальности для румын (молдаван) в регионе в условиях независимой Украины (а) в этническом плане, (б) в функциональном плане;
- 4) как румыны (молдаване) с юго-запада Одесской области понимают словосочетание «этническая принадлежность» и «гражданство»; с которым из них они себя идентифицируют и какое влияние этот показатель оказывает на их языковую самоидентификацию;
- 5) каково функциональное распределение языков румынофонов, говорящих на двух или нескольких языках, в зависимости от сферы жизни или конкретных ситуаций общения; какие факторы определяют переход говорящего с одного языка на другой или альтернативное использование этих языков.

Чтобы изучить языковую индивидуализацию говорящего с разных точек зрения, мы опросили репрезентативное число (20) говорящих на румынском языке (фактически все, говорящие на двух или нескольких языках), респондентов, принадлежащих к разным социальным слоям и занимающихся различными видами деятельности (учителя, врачи, бухгалтеры, служащие, водители, трактористы, плотники, садовники, бывшие колхозники, пенсионеры и др.). Отбор производился и по другим критериям (пол, возраст), транш выбранный респондентами, включая и мужчин, и женщин, в возрасте от 16 до 82 лет.

Учитывая важность проблемы, поставленной в первом вопросе, касательно отношения румыноговорящих на исследуемой территории к украинскому языку в новых исторических условиях (период независимости Украины), мы также применили специальную социолингвистическую анкету – «Украинский язык – государственный язык», в котором приняли участие 824 человека. Таким образом, подробные ответы на ряд вопросов были засвидетельствованы в письменной форме, что позволило углубить информацию о лингвистическом отношении румынофонов к украинскому языку. Среди прочего, мы выяснили: 1) что представляет украинский язык для носителей румынского языка, 2) насколько они знают украинский язык, 3) где они используют украинский

язык, 4) ориентированы ли они на применение украинского языка в повседневном использовании 5) интересуются ли они украинским языком (а) эстетически, (б) прагматически, 6) считают ли они украинский язык государственным. Результаты этого исследования, проведенного в двух плоскостях – социолингвистическом и собственно лингвистическом, позволили нам выявить другие эффекты языковой политики и планирования постсоветской Украины на юге Одесской области.

Предполагая, что «качество» языка (знание румынского литературного языка и других контактных языков, степень межязыковой интерференции и т. д.) может влиять на процесс лингвистической самоидентификации носителей румынского языка в исследуемой территории, в целях нахождения подтверждения или опровержения гипотезы, мы также прибегли к применению анкеты «*Лингвистическое и социолингвистическое исследование лексики румынского языка в Южной Бессарабии*». В опросе приняли участие 462 человека, принадлежащих к разным возрастным категориям:

I группа – 16 - 17 лет (студенты);

II группа – 18 - 30 лет (молодежь - студенты, люди разных профессий, а также нетрудоустроенные (домохозяйки);

III группа – 30-50 лет (люди среднего возраста, разных профессий и занятий);

IV группа – от 51 года и старше (пожилые люди разных профессий и занятий, а также пенсионеры).

Первой целью данного исследования было выявить лингвистическую компетенцию носителей румынского («молдавского») языка, как методом самооценки уровня знаний самих говорящих, так и с применением метода «контроля» (анализ ответов на несколько лингвистических задач). Выбор неологических синонимов, ответ на вопросы рубрики «*Как вы называете ...*» по теме «*Лексика*» и т. д.). Также респонденты должны были ответить на вопросы, касающиеся : 1) области использования румынского языка («молдавский»), 2) влияние названия этого языка (румынский или молдавский) на их языковую и этническую самоидентификацию, 3) перспективу румынского языка / «молдавского» языка (этнический язык носителей), русского языка (бывшего официального языка) и украинского языка (государственного языка на данном этапе) в функциональном и идентификационном планах. Результаты этих двух опросов представляют собой прочное дополнение к документальной основе исследования, но 104

основным его источником остаются тексты лингвистических автобиографий, записанные «вживую».

Первая особенность собственно лингвистического порядка, которую мы наблюдаем в речи носителей румынского / «молдавского» языка в исследуемой области, упомянутая, кстати, исследователями и в других областях распространения румынского языка в Украине, - это «низкий уровень культуры устной румынской речи», которому свойственны «две свои особенности (диалектальный характер и сильное «засорение» русскими и / или украинскими интерферемами» [Лазаренко, 1994, 44-45]. На самом деле, диалектные элементы румынского языка характерны в большей или меньшей степени для представителей всех социальных слоев и всех возрастных категорий, демонстрируя недостаточное знание румынского литературного стандарта и непрочные навыки с точки зрения его вербализации. Низкий уровень знания румынского литературного языка, также обуславливает ослабление лингвистического сопротивления перед потоком языковых элементов (особенно лексических) из контактных славянских языков (в основном российские и украинские). Эти элементы, названные упомянутым выше исследователем «интерференциями» (чтобы отличить их от языковых «заимствований» - явления, известные и естественные в условиях языковых контактов), здесь не только «засоряют» румынский язык, но и вызывают у его носителей чувство неполноценности, их лингвистического недоверия, из-за которого «обесценивается языковое разнообразие языка меньшинства, которое считается несовершенным или поддающимся исправлению» [Erfurt 1998: 78-79]. Более того, эти две особенности, характерные для румынского языка на постсоветском пространстве, в целом, и в сфере нашего исследования, в частности, использовались советскими властями с целью заявить о существовании "молдавского" языка, отдельный от румынского (власти. успешно использовали выявление самими носителями местной специфики их румынской речи, которая, однако, с научной точки зрения, представляет лишь элементы разнообразия этого языка в различных политико-административных аспектах" отличающиеся от его функционирования.

Следует, однако, отметить, что процесс разделения этнической и языковой идентичности румыноязычного населения на территориях за пределами их исторической родины был запущен до установления Советской власти, и его исторические обстоятельства на территории исследуемой территории имели свои особенности (в сравнении, например, с Северной Буковиной).

На протяжении веков румыноязычное население юга нынешней Одесской области сталкивалось с последствиями имперских экспансий. Во-первых, оно столкнулось с османской экспансией, на которую накладывались другие, в наиболее критический период его существования, когда рассматриваемая территория стала театром сражений и объектом споров между соседними империями. Мы рассматриваем аннексию Бессарабии Российской империей в 1812 году с последующим стимулированием колонизации этой земли населением другого этнического происхождения (особенно, славянским [«Конкордия», 2005, 1]). Сама земля была преобразована в обычную российскую губернию (1876 г.), что позволило местным жителям использовать свой родной язык в качестве средства устного общения «на кухнях и в других уединенных местах» [Dîrul, Ețcu, 1996б 149]. Территория между Прутом и Днестром получила название Бессарабия, путем расширения территории, название которого до этого относилось только к территории, прилегающей к Килийскому рукаву. В начале российской оккупации румыны составляли 86,7% населения Бессарабии, остальные были русины, евреи, липоване, греки, армяне, болгары, гагаузы. Российские власти начали политику денационализации, целью которой было прервать все связи с румынским населением через Прут. Политика разгосударствления заключалась в применении российских законов, запрете румынского языка в школах и церквях с заменой его русским языком. Пренебрегая национальными духовными ценностями румыноязычных местных жителей, в то же время «укоренилась» «концепция» этнолингвистических различий между румыноязычным населением Бессарабии и жителей Прута. Одним из царских изобретений, отзвук которого сохранился до наших дней, было представление о молдавском народе как независимой нации, отличной от румынской. Затем последовала аннексия Бессарабии Советской Империей (1944 г.), которая, по сути, продолжила царскую политику, способствуя денационализации румынского населения в этом регионе, что серьезно повлияло на его историческую память и этнолингвистическое сознание. Длительная изоляция – почти два столетия – молдавского говора румынского языка на юге Одесской области от общего румынского языка имела серьезные последствия для языка румынофонов этой области, «без изменения его структуры и сущности». По мере того, как уровень знания этнического языка румыноязычным населением, особенно литературного языка, значительно снизился, сферы его использования были сведены к минимуму, а текущее использование стало неконтролируемым» [Crijanovschi, 2000, VI]. В результате социокультурного

давления на бессарабских румын, продолжавшегося почти два столетия, сегодня их этнолингвистическая самоидентификация отличается тем, что большинство носителей румынского языка приняли и усвоили этноним и глотоним «молдаван» и, соответственно, «молдавский»; таким образом, значительная часть из них идентифицирует себя молдаванами с родным языком «молдавским». Идентифицируя себя этнически как молдаване, они одновременно не считают себя румынами. Для них молдавское имя не территориальное, а этническое. Именно этого десятилетиями стремилась советская пропаганда: создать на левом берегу Прута (и Дуная) «молдавский народ», который бы считал себя действительно отличным от румынской нации: Некоторая инерция сохранения «молдаванизма» наблюдается и в этнической идентификации: *“Da noi ni socotim moldoveni”* [PK 1, 304]; *“În familie (...) din momentu naștirii și pînă-n ziua di azi toți vorbim în limba maternî, adică-n limba moldovinească”* [PK 2, 4-5]; *“Vă spun, pi specialitati absolut totul fac în limba + în limba maternî, în limba moldov’nească”* [PK 1, 280-282]. Определенная инерция сохранения «молдаванизма» наблюдается и в этнической идентификации: *“Dar iați unii profesori la noi zic așa: “Dacă părinți noștri-au fost moldoveni, lasi și noi să fim moldoveni...”* [PK 1, 304-306]. Один из наших собеседников, выразив свое понимание причин молдавской этнической идентификации, оценил ее отрицательно, (*pur și simplu ... sînt două naționalități: români și moldoveni (...). Cum esti și ... acolo: Valahia, Muntenia, fiicari ari dialectul său, dar noi moldoveni ni socotim de-amu și naționalitate-aparti și limbă-aparti. (...) asta nu-i corect, asta, f’incî în trecutul istoric, asta iara o țară și datorită numai .. din păcate ... eu știu, polițișii lui Stalin, i-au diferențiat și asta o mărș sub presiunea acestei politici și sub presiunea rusificării. (...) Eu nu mă socot diferențiat di români*). На наш последний вопрос: *«И все же, кто вы, как вы идентифицируете себя по этнической принадлежности?»*, он не нашел психологической силы, чтобы подтвердить свою румынскую этническую принадлежность, утверждая, что его этническая принадлежность молдавская *“eu mă socot moldovan”*, считая, что его родной язык, также молдавский.

Отличительной чертой независимой Украины в рассматриваемый период стала активизация реконструкции языковой идентичности молдаван и создание новых языковых и этнолингвистических идентичностей (румынских). Утверждения некоторых исследователей (например, Клауса Бохмана) о том, что человек, однажды сконструировав свою идентичность, может реконструировать / изменить ее в течение своей жизни, справедливы и в отношении румыноязычного меньшинства из Одесской области. Как

официальные статистические данные, так и наши материалы показывают, что некоторое количество, в этот период еще не слишком большое, представителей молдавской этнической группы, хотя этнически идентифицируют себя как молдаване, все чаще демонстрируют свою румынскую языковую идентификацию. В эту группу в основном входят люди среднего возраста с высшим образованием. Другая группа, декларирующая молдавскую этническую идентичность, а языковая – румынская, это представители молодого поколения (школьники, студенты), для которых, по сути, такая самоидентификация является первым осознанным «конструированием» их этнической и языковой идентичности.

Это явление в основном связано с политическими изменениями, которые произошли в стране после 1989 года. Распад Советской Империи и провозглашение Украины независимым государством пробудили намерения добиться действительно демократических изменений в стране, в том числе в этнолингвистической политики. Подготовка к новой языковой политике началась в Украине еще в 1989 году, чему способствовали исторические события того периода. В составе СССР Украина разработала в конце 1989 г. Закон Украинской ССР «О языках Украинской ССР», первое предусмотрение которого было (учитывая пагубные последствия советской политики для украинского языка) провозглашение украинского языка единственным государственным языком (ст. 2). В то же время закон гарантирует, русскому языку «свободное использование как язык межнационального общения между народами Советского Союза» (статья 4). При этом «документы органов власти и государственного руководства принимаются на украинском языке и издаются на украинском и русском языках», а «штампы, официальные бланки государственных, партийных и общественных органов, предприятий, учреждений и организаций Украинской Республики» издаются на украинском или русском языках»(ст. 10). Это положение, как и многие другие, касающиеся исключительных прав русского языка, создавало большие трудности для утверждения украинского языка в качестве государственного.

Что касается языков других этнических групп в Украинской ССР, то им были гарантированы законом «необходимые условия для развития и использования их языков, наряду с украинским, в деятельности государственных, общественных органов, предприятий, учреждения и организации на местах. компактного проживания представителей этих национальностей » (статья 3). Статья 28 предусматривает, что «в Украинской Республике дидактическая и

образовательная деятельность профессионально-технических училищ, общеобразовательных школ, высших учебных заведений осуществляется на украинском языке, а в случаях, предусмотренных статьей 3, упомянутой выше, вместе с украинским языком, и на языке большинства населения». Также статья 29 Закона гласит, что «выпускники национальных школ могут сдавать вступительные экзамены в высшие учебные заведения, в спецшколы Украинской ССР на своем родном языке». Позже правовая база украинской языковой политики состоит из нескольких документов, среди которых: Государственная программа «О развитии украинского языка и других национальных языков Украинской ССР до 2000 года» (12.01.1991), Закон о национальных меньшинствах в Украине» (25 июня 1992 г.), Конституция Украины (28 июня 1996 г.) вместе с международными обязательствами Украины по правам национальных меньшинств, которые вступили в силу в качестве органического закона в 1998 году.

Стоит отметить, что вначале этнические меньшинства в Украине действительно имели возможность воспользоваться некоторыми недавно принятыми законами, чтобы возродить и сохранить свою первоначальную этническую и языковую идентичность. Похоже, что наиболее значительный демократический жест был сделан властями независимой Украины, относительно румыноязычного этнического меньшинства, когда в начале 90-х годов прошлого века в Украине было официально разрешен переход «молдавского» языка на латинскую письменность и вместо названия школ с «молдавским» языком обучения появились школы с румынским языком обучения, а название школьной дисциплины «молдавский язык» было изменено на «румынский язык». Практически в Украине была признана идентичность «молдавского» и румынского языков, румыноязычное население получило исторический шанс своего этнолингвистического возрождения. На волне этого нового политического потока во всех регионах с румыноязычным населением (Черновцы, Закарпатье и Одесса) была проведена настоящая реформа румыноязычного образования. Среди прочего, были подготовлены новые программы и учебники по румынскому языку и литературе (начиная с «Abecedarul»), а все другие учебники были переведены с украинского (физика, математика, география и др.) на румынский язык, латинское письмо – первая черта румынского языка, оказало огромное влияние на сознание румыноязычного населения Украины, особенно - на молодых людей, часть из которых, правда, присоединились к «румынскому языку» не с первого класса, а только с шестого-седьмого. В частности, многие их

представители указали в своих ответах, что, хотя они и являются молдаванами, они считают своим родным языком румынский (35% респондентов). Большинство из них (54%) на вопрос «*На каком языке вы учились?*» Ответили, что «на румынском», другая часть этой группы (46%), придерживаясь своего мнения, что свой язык обучения в школе был, все-таки, молдавским (даже с латинским письмом).

Также в среде этой группы молодых людей (которые учились в школе в условиях стремления к «рерумынизации») наблюдается и другая тенденция – некоторые из анкетированных и опрошенных молодых румынскоговорящих расширили румынскую идентификацию на этническую принадлежность, признав, что и их этническая принадлежность, и их родной язык – румынский. Известно, что даже в советский период были румыноязычные люди, которые, несмотря на риск репрессий, заявляли в официальных переписях, что они румыны с румынским родным языком (при предпоследней переписи в Украине, все еще в пределах СССР (1989 г.) в Одесской области было аттестовано около 200 таких человек), поэтому стало естественным, что в условиях демократизации независимой Украины эта идея получила новый импульс.

Но, к сожалению, через несколько лет (уже в 1998-1999 гг.) В Украине наблюдается регресс этнолингвистической политики, в частности, в отношении румыноязычного населения. Власти начинают останавливать процесс этнической и языковой рерумынизации молдаван, пытаясь вернуться к термину «молдавский язык» в регионах с компактным населением. Такая попытка встретила ожесточенное сопротивление со стороны румынской интеллектуальной и национально-патриотической элиты в Украине, такое, что в Черновицкой области (центр украинского румынства) и Закарпатье (где румыны никогда не признавали существование молдавского языка, отдельно от румынского) пересмотр термина румынский язык не удался, что не удалось и в Одесской области. *При поддержке властей здесь начинается возрождение идеи молдаванизма и концепции молдавского языка, которая представляет собой самую ярко выраженную особенность этнолингвистической жизни в этом регионе.* Очевидно, что с помощью соответствующих министерств (в том числе с точки зрения финансирования) создается Общество молдавского языка и культуры «Лучафэрул», пишутся школьные программы и пытаются составлять учебники «молдавского» языка, начинается переименование школ с румынским языком обучения на школы с молдавским языком обучения (в

название «школа с молдавским языком обучения», добавляя в скобках слово «румынским», но часто забывая добавить его в документах и надписях, предполагая, что это слово в скобках со временем исчезнет). Процесс молдованизации румыноязычных средних учебных заведений был начат властями в районах ближе к областному центру, а в настоящее время он распространяется и на самые отдаленные.

Манипуляции с этническим и языковым сознанием румыноязычных школьников, которые начали свое обучение в так называемых румынских школах, в менталитете и душе которых чувствуется принадлежность к румынскому языковому пространству и румынской этнической принадлежности решающих компонентов в процессе построения этнической и языковой идентичности, но которые в последующие годы уже учатся в «молдавских» школах с добавлением «румынских» в скобках или без них, серьезно влияют на их психологическое состояние, вызывая дезориентацию и колебания, разрушающие способность твердо и уверенно создавать свою этническую и языковую идентичность. Мы полагаем, что именно по этим причинам на вопрос «*Какой у вас родной язык?*» большинство респондентов представителей этой группы сомневаются, и многие в итоге отвечают: «*Молдавский язык*». Самомотивация такой идентификации обычно следующая: “*de mici o vorbim (limba moldovenească) și la școală o învățăm*” sau “*pentru că părinții mei vorbesc această limbă și o studiem la școală*” (!).

Только в Ренийском районе, удаленном от областного центра, где на момент нашего исследования языком обучения в школе был румынский, 82% опрошенных учащихся назвали свой родной язык «румынским», по сравнению с 19% в Саратовском, Татарбунарском, Килийском и Измаильском районах, где уже завершено восстановление названия школ с молдавским языком обучения. Также в школах, где преподавалось на румынском, 91% опрошенных учеников ответили, что они учатся в школе «на румынском», по сравнению с 28% в четырех вышеупомянутых районах. Но даже здесь уже ощущался эффект давления официальных директив, некоторые учителя румынского языка и литературы были дезориентированы (или боялись противоречить указаниям «сверху»):

Респондент (преподаватель, далее - В.): *Limba aici e numită “moldovinească în paranteză română”. Ca atari, pi toati manualili scrii “Limba română”. Și copiii ... cum ... zic: “Limba română”, știți? “Avem limba română! Avem limba română!” Da’ eu, așa, ... mî scap.*

Интервьюируемый (преподаватель, далее - V.) *Da' când îi întrebați cine-s ei, ce spun?*

V. *Tac (!).*

I. *După etnie nu pot spune?*

V. *Nu-a. Ii mai mult zic cî-s moldlveni, știți. F'incî... F'incî-î ... iată anu trecut cîn' s-a făcut recensămîntu, și toți au scris după pașaport, și s-au scris cî-s moldoveni. Avem o-nvățătoari, tot profesori di limbî-i, viniți din regiunea Cernăuți. Și ea în pașaport îi scriși româncî, și ea sî socoli di etnie româncî, daâ noi ni socotim moldoveni ... pînî când. Fiincî așa și ni s-a spus cî ziși: "În-î diplómu (diploma) cari-aș terminat instituții ci scrii-acolu? Învățător di limbă și literatură moldovenească!" (!) Și iaca cari-i la noi problema.*

I. *Dar dumneavoastră Vă socotiți reprezentant al cărei etnii?*

V. *Nu știu-a cării (!). [PK 1, 267-283].*

Поэтому неудивительно, что некоторые ученики здесь также стараются избегать ответа на вопрос «*На каком языке вы учитесь в школе?*», отвечая: «*В школе мы учимся на родном языке*», не указывая, какой у них родной язык – румынский или молдавский, часто «молчат», когда идет речь об их этнической принадлежности.

Это молчание вызывает беспокойство: что бы значило такое молчание? Неопределенное и неуверенное психологическое состояние? Боязнь открыто выразить свое мнение? Или молчаливый протест против давления, оказываемого на этнолингвистическое существо их нации? Думаем, что все вместе – 1) и установка под сомнением справедливости директив властей по молдаванизму. (тех, кто склоняется к идее румынизма); 2) и несмелость открыто противодействовать продвигаемому властями молдаванизму (ввиду неравенства сил и боязни возможных наказаний); 3) и протест все еще невысказанный, особенно в отношении тех, для кого сходство элементов своей культуры с элементами культуры соотечественников из соседнего государства, даже с представителями румыноязычного населения из других регионов Украины, идентифицирующиеся румынами с родным языком румынским, становятся более очевидными.

References

*** (2003). *Câți suntem?* / How many are we? "Concordia", Cernăuți, N 12.

*** (2005). *Pagini de istorie*. "Concordia", Cernăuți, № 10.

Crijanovschi, Andrei (2000). *Dicționar de dificultăți ale limbii române*. Chișinău: Editura ARS, Editura MUSEUM.

Dîrul, Alexandru & Ețcu, Ion (1996). Cum a fost impusă denumirea "limba moldovenească" la est de Prut? *Limba română este Patria mea. Studii. Comunicări. Documente*. Chișinău.

Erfurt Jurgen (1998). Sociolingvistica limbilor minoritare și a standardelor regionale. *Revista de lingvistică și știință literară*, 1998, № 2.

Lazarenko, Liubov (1994). Interferența lexicală în vorbirea orală a românilor din Ucraina. *Revista de lingvistică și știință literară*, N 1.